

В этой книге пойдет речь о некоторых проблемах этнографии и фольклористики. Мы вынуждены так формулировать свою задачу, так как в действительности проблем много и нельзя надеяться охватить их сколько-нибудь исчерпывающе, если только не ограничиваться уже вошедшими в отстоявшийся фонд этнографии и фольклористики. Впрочем, и целый ряд фундаментальных проблем, которые могут показаться «школьными», до сих пор вызывает споры (особенно в фольклористике). Сказанное вместе с тем не означает недооценки заметных успехов, которых добились этнографы и фольклористы в последние десятилетия в разработке общих основ этнографии и фольклористики. Обе науки интенсивно развиваются. Они в пути. Поэтому каждое новое теоретическое завоевание открывает все более далекие горизонты и возбуждает вопросы, которые раньше даже не возникали. Отсюда опять-таки не следует, что все проблемы, формулировавшиеся в XIX и первой половине XX в. и ставшие традиционными, давно решены и предстоит решать только новые. Скорее наоборот. Круг их постоянно ширится, но одновременно постоянно или по крайней мере время от времени неизбежно назревает необходимость новых решений. К их числу, например, относится понимание предмета или, точнее, предметной области этнографии и фольклористики или теоретическое и практическое взаимоотношение этих двух наук.

Всем, кто следил за развитием этнографии и фольклористики в последние десятилетия, памятно, как сравнительно недавно — в конце 50-х—начале 60-х годов — они переживали странную, казалось бы, ситуацию. «Вдруг» со всей ясностью сначала в фольклористике, потом в этнографии возник вопрос о предмете и той и другой науки. В связи с этим в состав предлагаемой книги включены краткие обзоры развития общей концепции этнографии и фольклористики 30-х—80-х годов нашего века.

Может возникнуть вопрос: почему предлагаются два отдельных обзора, если мы ратуем за дальнейшее сближение этих наук и признаем, что они переживали сходные процессы, обусловленные одними и теми же историческими причинами. Почему же их развитие обозревается в двух соседствующих, но отдельных очерках? Этот вопрос таит в себе более общий, который мы уже формулировали: как понимается или как следует понимать взаимоотношение фольклористики и этнографии? Кстати, этот последний вопрос принадлежит одновременно и к традиционным, и к остро актуальным. Он может быть поставлен как в историческом, так и в феноменологическом плане.

Исторический аспект может рассматриваться как историографический, т. е. при этом будет выясняться, как трактовалось взаимоотношение фольклористики и этнографии на разных этапах развития и той и другой науки, либо он может быть рассмотрен как собственно исторический, т. е. каково было соотношение всей системы народной культуры и фольклора на разных этапах развития человеческого общества. Последний вопрос связан с тем, что фольклор, как это будет показано в разделе «Фольклор и культура этноса», в процессе своего исторического развития приобретал или терял те или иные функции в общей структуре духовной культуры.

Историографический аспект взаимоотношения этнографии и фольклористики не может быть здесь рассмотрен с должной подробностью. Сошлемся лишь на то, что необходимые факты читатель может извлечь из имеющихся работ по истории этнографии и фольклористики. Они показывают, что это взаимоотношение под воздействием целого ряда факторов понималось по-разному в разных странах в разные периоды или разными школами этнографов и фольклористов.¹ Поэтому историографический обзор не

¹ Коккьяра Д. История фольклористики в Европе / Пер. с итальянского. М., 1960; Токарев С. А. 1) Истоки этнографической науки. М., 1978; 2) История зарубежной этнографии. М., 1978; Этнологические исследования за рубежом. М., 1973; Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л., 1979; Этнография за рубежом: Историографические очерки. М., 1979; Пути развития зарубежной этнологии. М., 1983; Пыпин А. Н. История русской этнографии. Спб., 1890—1892, т. 1—4; Азадовский М. К. История русской фольклористики. М., 1958—1963, т. 1—2; Этнография в странах социализма. М., 1975; Землянова Л. М. Современная американская фольклористика: Теоретические направле-

может привести к результату, который был бы желателен для обоснованного феноменологического решения проблемы. Вместо ответа на вопрос, «как понимать взаимоотношение этнографии и фольклористики», мы неизбежно получаем ответ: его понимали очень различно. Историческая традиция здесь столь противоречива, что она не может быть поучительной.

Дело, разумеется, не в том, что наши предшественники (или большинство из них) ошибались. Сам по себе обсуждаемый вопрос содержит изрядную долю условности (терминологическая традиция, накопленный опыт, общественная заинтересованность в развитии науки и т. п.). Единственное, что мы сможем извлечь из подобного обзора, — убежденность в органической родственности обеих наук, в их способности расширять и сужать поле своей деятельности, замещать друг друга в выполнении очень сходных познавательных функций. Характерно, что историографы — этнографы и фольклористы — обычно не могут обойтись друг без друга.

Феноменологическое рассмотрение проблемы может в таких условиях претендовать лишь на хронологически ограниченное решение вопроса. Такое ограничение мы и вводим. Мы не говорим здесь об этнографии и фольклористике в приложении к архаическим этапам развития человечества. Известно, что эти ранние этапы имеют неопределимое значение для изучения генезиса фольклора. Первостепенная роль этнографических знаний при этом не может подвергаться сомнению, она неоднократно с успехом демонстрировалась. Причину этого следует прежде всего искать в синкретичности архаической культуры. Все словесные тексты при этом и создавались, и функционировали на бытовом уровне. Мы еще вернемся к этому вопросу в разделе «Фольклор и культура этноса». Здесь же нам важно отметить, что все дальнейшее развитие фольклора, вплоть до позднефеодального периода, шло под сильным влиянием архаического наследия. Поэтому, обращаясь и к этому периоду, так же как ко всем остальным, фольклористы и этнографы сохраняют чувство локтя.

Фольклор, бытовавший в позднефеодальное время и записанный у большинства народов Европы в XVIII—XIX вв., не может быть понят без тщательного рассмотре-

ния и тенденции. М., 1975; *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979, и др.

ния этнографического субстрата, лежащего в его основе. С другой стороны, сам фольклор был важнейшим компонентом традиционной культуры, интегрировавшим все сферы духовной культуры, и не только духовной, но и в известной мере — материальной и особенно соционормативной культуры огромного большинства этноса.

Преодолевая стадияльные ограничения, мы могли бы в конце концов сказать, что фольклор — это совокупность устных словесных текстов (структур), функционирующих (или функционировавших) в быту какого-либо этноса или его какой-либо локальной, конфессиональной, профессиональной или иной первичной, контактной группы.²

Ситуация заметно меняется, когда мы обращаемся к современному урбанизированному обществу. Однако и к этим проблемам, так же как к проблемам архаического общества, мы, за весьма редкими исключениями, здесь обращаться не будем.

Историографический обзор неизбежно привел бы не только к признанию того, что отношения этнографии и фольклористики понимались очень различно, но и к более определенному выводу. В XX в. мы встречаемся преимущественно с тремя точками зрения на интересующий нас вопрос, которые были или суть авторитетны не только теоретически, но и оказали значительное воздействие на исследовательскую практику и на научно-организационные формы, сложившиеся в эти годы в разных странах, в том числе и в Советском Союзе. Предельно упрощая, две из упомянутых выше трех точек зрения можно было бы передать так: 1) фольклористика — наука филологическая (литературоведческая); 2) фольклористика — наука этнографическая. Время от времени произносятся словосочетания «филологическая фольклористика», «этнографическая фольклористика». Фольклористические подразделения в Советском Союзе существуют в составе либо учреждений филологических (литературоведческих), либо этнографических (исторических). Филологические журналы стремятся не публиковать исследования, в которых они видят «этнографическую фольклористику», этнографические журналы и сборники — «филологическую».

Третья точка зрения заключается в том, что фольклористика для своего окончательного самоопределения

² Контактная группа — группа, осуществляющая внутри себя прямую (контактную, от человека к человеку, face to face) коммуникацию.

должна будто бы проскочить между Сциллой филологии и Харибдой этнографии.

Между тем никто не может сказать, какие работы наших фольклористов или какие именно фольклористы принадлежат к одной из названных разновидностей фольклористики. Реальные различия современных направлений фольклористики в Советском Союзе (историко-генетическое, типологическое, историческое, семиотическое и др.) вовсе не связаны с этими двумя якобы существующими разновидностями.

Упоминаясь выше альтернатива (филологическая или этнографическая наука?), какую бы форму она ни принимала (в том числе и такую: ни филологическая, ни этнографическая!), на наш взгляд, не имеет достаточно убедительного теоретического обоснования. Фольклористика по самому характеру изучаемого ею предмета — наука одновременно и филологическая, и этнографическая. Эта существенная особенность фольклористики должна быть осознана до конца. Теоретическое обоснование такой точки зрения кажется нам естественным и элементарным.

Действительно, поскольку фольклор — это совокупность «словесных текстов»,³ фольклористика не может не принадлежать к филологическому циклу наук, предметом которых является словесная (речевая) деятельность людей (языкознание, литературоведение). В то же время фольклор — совокупность не случайного множества текстов, а текстов, вошедших в бытовую традицию. В отличие от литературы фольклор — традиционная бытовая словесность. Поэтому фольклористика органически входит в цикл этнографических наук, ядро предметной области которых составляет традиционно-бытовая культура — важнейший носитель этнической специфики этнических общностей.

Социальные и исторические особенности условий, в которых в прошлом развивалась культура значительной части этноса, вели к тому, что в его быту фольклорные тексты функционировали в естественной устной форме и передавались посредством прямой, контактной коммуникации. Таким образом, вербальность отличала фольклор от

³ В этом словосочетании можно усмотреть тавтологию, однако мы формулируем так, имея в виду возможность расширительного употребления термина «текст» (шире, чем текст на естественном языке, вербальный, словесный), практикующегося в современной теории информации, кибернетике, семиотике и т. д.

других форм традиционно-бытовой культуры; традиционность не только лексического фонда и правил порождения текстов, но и самого текста отличала фольклор от других форм речевой деятельности, а устность и контактный характер коммуникации — от литературных (или письменных) форм вербальной деятельности людей.

Таким образом, специфика фольклористического метода связана с природой фольклора, его местом среди других форм бытовой деятельности и других форм речевой деятельности. Она должна заключаться, и практически всегда и заключалась в органическом слиянии филологических и этнографических знаний.

Фольклорные жанры, даже жанры с развитыми эстетическими функциями, в подавляющем своем большинстве имели весьма определенную бытовую предназначенность. Именно эта бытовая предназначенность, т. е. теснейшая связь разнообразных бытовых, практических, внеэстетических функций с эстетическими — основной жанрообразующий фактор в фольклоре любого народа.

Фольклорный текст как объект исследования отличается от других словесных текстов (литературных) тем, что он возникает в быту, бытом обусловлен и функционирует в быту. Особенно отчетливо это видно на примере обрядового фольклора, отличающегося сверхсильными внетекстовыми связями.

Фольклор образовывал специфическую подсистему, выполнявшую весьма важную роль в системе традиционной народной культуры. В фольклорной форме интегрировалась, закреплялась и аккумулировалась традиционная информация, выработанная этносом или его локальной группой. Мы имеем в виду этническое самосознание, этнические установки, легенды о происхождении народа и его контактах с другими народами, историческую память, отливавшуюся в предания и легенды, передачу мифологической традиции и реализацию мифов и верований, осмысление обрядов и традиций материальной культуры, символизацию явлений материальной культуры, интеграцию стереотипов соционормативной культуры и т. д., и т. д. И, наконец, фольклор — это специфический «язык» традиционной культуры, отличающийся от других «языков» — орнамента, мелоса, знаковой и символической информации, передававшейся вещами — предметами материальной культуры, и т. п. Все это обусловило семантическую насыщенность фольклора, его роль интегратора,

мощного системообразующего фактора традиционной культуры. Именно поэтому ни один этнограф, изучающий тот или иной народ, не может обойтись без его фольклора. Более того, можно без преувеличения сказать, что фольклор с наибольшей интенсивностью выражает этнические функции культуры, которые особенно и специально интересуют этнографию.

Если язык уже сам по себе является не только средством коммуникации, обслуживающим этнос, и тем самым — одним из неперемных условий существования всякой этнической общности, то фольклор как вторичная языковая моделирующая система обладает этим же свойством в наиболее суггестивных формах. Не случайно именно фольклор был в центре внимания национально-романтических движений и именно в значительной мере с фольклорных штудий начала формироваться наука, которая впоследствии стала именоваться этнографией (рядом с Лафито Гердер, Макферсон, бр. Гримм и др.).

В традиционной культуре прошлого мы видим великое национальное наследие, которое нам необходимо знать и понимать. Когда речь идет о фольклоре, то следует помнить, что так же, как народное изобразительное искусство и народная музыка, значительная часть фольклорного наследия имеет эстетическую ценность. Она не может устареть и приобрести только исторический интерес, как лопоть, курная изба или соха. Она живет и будет жить (пока этнос остается этносом) вместе с лучшими завоеваниями профессионального искусства и художественной литературы, профессиональной музыки.

Мы еще будем говорить о современном понимании предмета и функций фольклористики. Сейчас же нам важно отметить, что она сложилась как относительно самостоятельная отрасль народоведения в период интенсивного формирования национального самосознания европейских народов. Важнейшими проблемами, которые консолидировали ее как науку, были национальная специфика мышления и художественного творчества, национальная традиция (выражение «духа нации»), соотношение этнического (национального) и интернационального, межэтнические связи, роль фольклора в национальной культуре в целом, национальные и глобальные закономерности формирования основных жанров, сюжетики, образной системы и т. д. фольклора, фольклор и наддиалектные формы.

Несмотря на то что проблема этнической специфики

фольклора постоянно разрабатывалась фольклористами, она остается чрезвычайно сложной. Да, собственно, и в прошлом она казалась простой только тогда, когда фольклорист либо ограничивался знанием фольклора только своего народа или был обуреваем националистическими преувеличениями. Если же отнестись к этой проблеме спокойно, объективно и во всеоружии знаний современной мировой фольклористики, то обнаруживается, что понимание ее не стало проще и теперь она представляется еще более сложной, чем она рисовалась зачинателям этой науки. Конкретное соотношение этнического и интернационального в отдельных произведениях далеко не всегда удастся достаточно выразительно расчленить. Единственный путь решения этой проблемы — изучение этнической специфики всей системы фольклора того или иного народа или группы народов в ее историческом развитии. Подобная проблема достойна специальной книги. Здесь мы будем ее касаться в связи с другими вопросами, которые станут предметом специального обсуждения.

Весьма сложна также проблема исторического (или, точнее, историко-генетического) объяснения повторяемости сходных явлений (сюжетов, мотивов, образов героев, поэтических приемов и даже — отдельных деталей и однородных словесных формул) в разных этнических средах. Это тоже «вечная» или по крайней мере «извечная» проблема фольклористики, методически интересная каждому этнографу, занимающемуся любым другим разделом этнографии. В предлагаемой читателю книге она будет рассматриваться в разделе «Легенда об „избавителях“ и проблема повторяемости фольклорных сюжетов» на одном из частных примеров, а также попутно в других разделах книги. Как видим, выделенный круг вопросов в их современном понимании является одновременно и типичной этнографической проблематикой.

О заинтересованности фольклористов в этнографическом понимании фольклорного материала мы уже говорили. Итак, две интересующие нас науки родственны, близки по своим задачам и заинтересованы в развитии каждой из них. Современная задача и той и другой состоит, на наш взгляд, в том, чтобы обмен теоретическими идеями между ними стал еще интенсивнее и систематичнее. Особенно фольклористика испытывает насущную потребность включения ее основных идей в общую теорию этнографии.

И, наконец, знаменательно развитие современной культурологии (теории культуры), не только обобщающее: достижения отдельных наук, но и создавшей свой понятийный аппарат и общую теорию культуры на достаточно абстрактном теоретическом уровне. Впереди — дальнейшее сближение теории культуры, этнографии и фольклористики.

Оставаясь историческими науками, этнография и фольклористика разрабатывают свою общую теорию с учетом современного развития теории культуры. Отсюда — основные проблемы настоящей книги: фольклор в системе культуры этноса, традиция и фольклор, фольклор и история.

В настоящем издании вниманию читателей предлагается серия очерков теоретического характера. Они связаны с предыдущими работами автора и сложились как обобщение тех выводов, которые возникали на основе конкретных разысканий в разных исторических слоях и жанрах русского фольклора (былины, сказки, причитания, предания и легенды, обряды и обрядовый фольклор, современные фольклорные процессы, литературно-фольклорные взаимоотношения и т. п.). При этом автор стремился сосредоточиться на тех проблемах, которые представляются особенно актуальными для дальнейшего сближения этнографии и фольклористики.

В первых четырех очерках, после краткого изложения современной теории этноса, разработанной в этнографии и, к сожалению, до сих пор мало знакомой фольклористам, обсуждаются следующие вопросы: место и функции фольклора в системе духовной культуры этноса, «вторичные» формы культуры и их роль в развитии современных этнических традиций и, наконец, некоторые проблемы славянской фольклористики в этническом аспекте. Эта первая часть книги завершается рассмотрением особенностей конкретного механизма осознания былин неотъемлемым компонентом этнической (национальной) культуры русских, и в частности роли в этом процессе выступлений исполнителей былин в Петербурге и других городах России во второй половине XIX в.

Вторая часть книги состоит из очерков, в которых обсуждается проблема традиции, ее природы и механизма

в свете общей теории культуры и в специальном приложении к современной фольклористике. При этом выделяются два основных свойства традиционной культуры — стабильность и вариативность. И, наконец, показывается тесная связь проблемы вариативности с общей теорией фольклорного текста (или его поэтики).

Третья часть книги названа «Фольклор и история». Проблема рассматривается на фоне этнокультурных взаимоотношений различных народов как проблема повторяемости сходных (подобных) фольклорных явлений в разных этнических средах. Для этого избраны две темы — критический обзор изучения легенды об «избавителях» в трудах крупнейшего русского фольклориста и литературоведа XIX в. А. Н. Веселовского и в трудах так называемой венской этнографической школы в послевоенные годы. Третья часть завершается этюдом «Легенда о Железняке», в котором на избранном примере показывается процесс сотворчества двух родственных этносов — русского и украинского.

Заключительная часть книги имеет одновременно и историографический, и итоговый характер: в двух параллельных очерках здесь обзревается развитие проблем общей теории фольклористики и этнографии в последние десятилетия, причем преимущественно связанных с вопросами, затронутыми в первых трех частях.

Таким образом, в каждой части теоретические очерки обобщающего характера сочетаются со специфическими разработками, имеющими более ясно обозначенную связь с конкретными проблемами фольклористики в ее отношении к этнографии.

Читатель, знакомый с предыдущими работами автора,⁴ знает его приверженность к конкретным разысканиям. Однако в ходе подобных разысканий постепенно накапливаются идеи более общего характера и появляется стремление высказать их не мимоходом и попутно, а специально. Осуществлением такого стремления и является настоящее издание. Как говорили древние: «Время разбрасывать камни и время собирать камни».

⁴ Сведения о публикациях до 1980 г. см.: Список основных работ по фольклористике и этнографии доктора исторических наук, проф. К. В. Чистова: (К 60 летию со дня рождения). — СЭ, 1980, № 1, с. 186—189. Список работ автора по теме «Народные традиции и фольклор» см.: наст. изд., с. 296—298.